

УДК 323/327
ББК 66.2

DOI 10.22394/1682-2358-2019-3-100-106

Т.А. Никитина, *Candidate of Science (Politics), Docent of the Advertising, Public Relations and Applied Political Science Department, Orenburg State University*

И.А. Терентьева, *Candidate of Sciences (Pedagogies), Docent of the Advertising, Public Relations and Applied Political Science Department, Orenburg State University*

COUNTERING THE SPREAD OF EXTREMIST IDEOLOGY IN THE RUSSIAN INFORMATION SPACE

Issues of using the Internet for the purpose of promotion of extremist ideas, including in social networks, are considered. The functional effectiveness of existing legal acts regulating the use of information resources of the network is characterized. The existing mechanisms and methods of prevention of extremist ideology are presented and proposed.

Key words and word-combinations: Internet, social networks, extremist ideology, extremism prevention.

Т.А. Никитина, *кандидат политических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и прикладной политологии Оренбургского государственного университета (email: nikitina4145@mail.ru)*

И.А. Терентьева, *кандидат педагогических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и прикладной политологии Оренбургского государственного университета (email: irina_t1973@mail.ru)*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Аннотация. Рассмотрены вопросы использования Интернета с целью пропаганды экстремистских идей, в том числе в социальных сетях. Дана характеристика функциональной действенности существующих правовых актов, регламентирующих использование информационных ресурсов Интернета. Представлены существующие и предложены возможные механизмы и способы профилактики экстремистской идеологии.

Ключевые слова и словосочетания: Интернет, социальные сети, экстремистская идеология, профилактика экстремизма.

Современное общественное развитие сложно представить без системы массовых коммуникаций, без ее технических средств, которые определяют содержание данного

социального института. В результате недооценки роли массовой коммуникации в социуме, отношения к ним лишь как к средству общественного управления непременно ведет к легкомысленному и некомпетентному мышлению в системе СМИ, что в итоге обуславливает ее дисфункциональные эффекты в области обеспечения государственной безопасности и противодействия экстремизму. Стремительными темпами увеличивается роль всемирной системы объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации в Интернете. Процент интернетизации российского общества продолжает неуклонно расти. Информационные ресурсы, интернет-форумы, новости и особенно социальные сети уверенно заняли свое место среди ведущих источников информации и для некоторых представителей молодежной социальной группы нередко являются единственным информационным источником.

Вместе с информативной функцией всемирная сеть «Интернет» через социальные сети, форумы и информационные порталы оказывает существенное влияние на формирование общественного мнения.

Всемирная глобальная сеть прочно распространилась по всем сферам жизнедеятельности человека (политической, экономической социальной и духовной), а для отдельных категорий граждан является основным элементом быта и повседневности. Сегодня Интернет для многих пользователей ассоциируется с объединенными между собой компьютерными сетями, которые передают информацию с помощью соответствующих ресурсов.

Активное внедрение IP-технологий привело, с одной стороны, к очевидным преимуществам (среди которых массовость, оперативность и доступность), с другой стороны — к появлению ряда серьезных проблем. Именно в мировой информационной сети различные российские и зарубежные деструктивные организации размещают экстремистские материалы и ведут агитационную террористическую работу. Идеологи экстремистских движений и групп через «всемирную паутину» активно воздействуют на сознание населения, особенно на молодежь. Результатом данной деятельности является вовлечение в экстремистские организации молодых граждан, что рассматривается как проблема общегосударственного масштаба, угрожающая национальной безопасности России [1].

Одной из приоритетных задач государства является обеспечение национальной безопасности в сфере информационно-цифровых технологий с помощью совершенствования нормативной базы и внедрения новых технических средств, способствующих реализации превентивных мер против распространения экстремистской идеологии в едином информационном пространстве Российской Федерации [2]. Перед лицом такой опасности для социума необходима консолидация и мобилизация всех механизмов, осуществляющих защиту жизни, здоровья, чести и достоинства граждан в стране. Необходимо преодолеть противоречия, связанные с разногласиями между различными социальными институтами. Началом общественной консолидации может стать постоянно действующий координационный совет руководителей правоохранительной деятельности и массово-коммуникативной системы при активном участии специалистов в различных сферах социально-гуманитарного знания,

включающих политологию, социологию, социальную психологию, религиоведение, и представителей общественных организаций. При исследовании данной проблемы необходима всесторонняя проработка задач и методов воздействия массовых коммуникаций на сознание молодых граждан с учетом территориальных условий. Проблема воздействия на сознание населения через информационно-цифровые технологии все активнее становится предметом изучения специалистов, которые выявляют причины ее усиления, а также вносят предложения по методам профилактики и борьбы с ней [3; 4].

Ряд руководителей органов исполнительной власти, а также Президент РФ В.В. Путин уже заявляли о необходимости «ужесточения действующего законодательства и мер репрессивного характера для лиц, совершающих правонарушения с использованием сети «Интернет», а также создание развитой, адекватной системы профилактики и предупреждения преступлений данной категории» [5].

Безусловно, «ужесточение» и «репрессивные меры» не означают введения тотальной цензуры на электронные средства массовой информации, социальные сети и блогосферы, которые, не являясь СМИ, выполняют коммуникационную функцию, представляют источник, связанный с тиражированием информации и влияют на формирование общественного мнения. Данная проблема не может оставить равнодушными представителей научного сообщества и граждан Российской Федерации, озабоченных судьбой многонациональной и поликонфессиональной Родины. Приверженцы деструктивных экстремистских идей именно на вопросах, связанных с конфессиональным и национальным характером, формируют свою подрывную повестку.

Если в конце XX и начале XXI столетия организованный экстремизм находился на периферии социума, а население получало информацию о нем из новостей в случае резонансных акций, то в последние два десятилетия ситуация для экстремистов изменилась в более «благоприятную» сторону. Раньше экстремисты, создавая свои организации, выпуская специализированную литературу, тщательно выбирали место встреч, и все это было только для внутреннего потребления. Сегодня же с помощью Интернета происходит постепенное проникновение экстремистской идеологии в повседневную жизнь общества. Социум незримо «инфицируется» идеями экстремистов, в чем и состоит опасность данного процесса, а благоприятной средой для распространения «вируса экстремизма» является глобальная сеть «Интернет» [6]. Общение с помощью Интернета стало универсальным информационным средством. По данным отчета «Global Digital 2018» от We Are Social и Hootsuite, на 2018 г. в мире насчитывается почти 4,2 млрд пользователей [7]. По данным ИТАР—ТАСС, в 2018 г. в Российской Федерации число уголовных дел, связанных с проявлениями экстремизма, через информационные ресурсы сети «Интернет» удвоилось. К административной ответственности оказалось привлеченными 386 физических лиц, а к уголовной — 186; закрыто 523 интернет-ресурса и более 500 сайтов, удалено 7000 материалов [8].

Однако в связи с этим возникает вопрос о том, попадают ли под действие ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельнос-

ти», в которой «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» рассматривается как проявление экстремистской деятельности, материалы, где прямо не содержатся национальные или религиозные оскорбления», но присутствует провокационный или подстрекательский посыл?

С каждым годом ужесточается контроль за распространение информации в Интернете, особенно в социальных сетях. В судебной практике немало случаев привлечения к уголовной ответственности не только авторов экстремистских постов, но и тех, кто выставлял их на своих страницах (репост). Верховный Суд РФ в ноябре 2016 г. рекомендовал не возбуждать дела, связанные с экстремистской деятельностью, только на основании репостов в глобальной сети. Согласно рекомендациям суда, необходим учет контекста появления публикации и сущности комментариев к ней.

В качестве примера можно привести резонансное дело, произошедшее с журналисткой Смоленского портала Полиной Петрусевой, привлеченной к ответственности за снимок со свастики. На странице в соцсети «ВКонтакте» журналистка выложила фотографию своего дома в период фашистской оккупации. Правоохранительные органы увидели опасность в изображении военного флага Третьего рейха, который был виден на документальном фото. В итоге Петрусеву оштрафовали на одну тысячу рублей за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской символики [9]. В 2015 г. на сайте Роскомнадзора опубликовано официальное объяснение, что изображение свастики, не предусматривающее своей целью пропаганду, допустимо; при этом внимание было обращено на нормы запрещающего законодательства [10].

Рассматривая механизмы пресечения распространения идей экстремистов в глобальной сети, необходимо учитывать, что превентивную работу в этой сфере активно ведут правоохранительные органы, МВД, Роскомнадзор и Федеральная служба безопасности. Однако в данной ситуации стараний органов государственной власти, если они не будут поддерживаться гражданским обществом, недостаточно.

В контексте изучаемой проблемы гражданскую или общенародную ответственность за глобальные вопросы превенции экстремизма с глобальной информационной сети не стоит перекладывать на тех, «кто за эту работу получает зарплату»; необходимо проявлять свою гражданскую позицию, информируя компетентные структуры о реальных фактах распространения материалов или призывов к осуществлению действий экстремистской направленности.

Успешную реализацию профилактических мер против экспансии экстремизма через информационные ресурсы осложняют следующие факторы:

- масштаб интернет-пространства (ограниченный штат сотрудников уполномоченных органов не состоянии физически отслеживать все опасные сайты);
- сохранение анонимности человека, распространяющего экстремистские материалы (используются «фейковые» страницы и специальные программы, не идентифицирующие пользователей);
- изменчивость и подвижность информации размещенной в Интернете (возможность автора самостоятельно, в любое время удалять информацию

до осуществления мер реагирования правоохранительными органами). Даже если материал удален, он успевает привлечь внимание пользователей, а иногда дестабилизировать ситуацию [11].

Отметим, что, несмотря на существование перечисленных сложностей, органы государственной власти стремятся оперативно реагировать на поступающие сигналы.

Например, в 2017 г. в г. Оренбурге к уголовной ответственности был привлечен гражданин Д.М. Морозов за публичные призывы в социальных сетях к осуществлению экстремистской деятельности. По сообщению официального сайта Прокуратуры Оренбургской области, 23-летний Морозов был осужден Ленинским районным судом г. Оренбурга и признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280, ч. 1 ст. 318 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, применения насилия в отношении представителя власти). Судом было установлено, что житель г. Оренбурга в ноябре 2016 г. разместил на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» для публичного просмотра фотографии с комментариями, призывающими к возбуждению национальной розни, нарушению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина по его национальной принадлежности, к воспрепятствованию законной деятельности органов государственной власти, а также пропагандирующими исключительность и превосходство русской нации [12].

Значительную роль в антиэкстремистском правоприменении играет также гражданско-правовой механизм запрета материалов на страницах в глобальной сети «Интернет» и отдельных файлах. Запрет налагается судебным органом по запросу прокуратуры. В данном вопросе интересны два аспекта. Во-первых, по запросу местной прокуратуры решение принимается местным судом данного населенного пункта, а действовать данное судебное решение должно на всей российской территории. Для информирования суд отправляет в Министерство юстиции России решение о запрете материала. Получив эти данные, Минюст вносит запрещенные материалы в Федеральный список экстремистских материалов (по техническим причинам бывают задержки). Во-вторых, наиболее часто суды рассматривают данные вопросы по упрощенной процедуре — установления факта признаков экстремизма в содержании материала. Данный подход не совсем соответствует назначению ГК РФ, так как исключается возможность судебного спора, но он намного оперативнее [13].

Данный механизм запрета материалов в глобальной информационной сети имеет множество несообразностей. На практике это проявляется в быстром увеличении темпов роста списка и усложнении ориентации в нем. Однако определенная часть запрещенных материалов остается доступной для пользователей Интернета. В итоге возникает риск, например, случайного репоста уже запрещенного материала. Подобная несообразность проявляется и в затруднении идентификации материала. Для включения материала в Федеральный список его необходимо описать и дать наименование, однако единых правил такого описания не существует. Книги, видео, картинки, файлы не описываются единообразно. Следовательно, даже при условии, что материал описан в Федеральном списке вполне адекватно, что бывает не всегда, он описан в

конкретном названии. Например, при переиздании книги без изменения содержания это будет все равно новый материал, подлежащий рассмотрению в судебном органе. Это касается и размещения материала в Интернете. Копии (так называемые репосты) в глобальной информационной сети тоже обязательно тождественны. В таком случае сложно понять, запрещен или нет данный материал, размещенный онлайн [11].

Необходимо отметить, что в сети «Интернет» принципы выражения и ограничения свободы такие же, как и в любом ином общественном пространстве. Бытует мнение, что глобальная информационная сеть создает бескрайнее пространство свободы, разнообразные блоги социальных сетей представляются подобием личного дневника. Опубликованный материал считается публичным, если он доступен для просмотра широкому кругу пользователей.

Теоретически определенные коллизии в СМИ можно считать разрешенными. Например, Верховный Суд РФ признал, что цитирование (или репост) экстремистских высказываний без поддержки их по существу, с целью обсуждения или осуждения не равноценно этим высказываниям, поскольку суду необходимо оценить контекст цитирования. Выражение определенного мнения в виде шутки также не приравнивается к его высказыванию всерьез. Конечно, СМИ не могут нести ответственность за комментарии пользователей, если они делятся своим мнением онлайн. Но тогда возникает другой вопрос, применим ли данный принцип к публикациям в Интернете, так как российское законодательство не приравнивает всю глобальную сеть «Интернет» к СМИ. Есть примеры, когда судьи не учитывали данный принцип Верховного Суда РФ. Должны ли они его учитывать? Ответа нет...

Технические особенности сети «Интернет» ставят ряд вопросов, например, связанных с вопросами юрисдикции. Допустим, картинка или высказывание создавалось в государстве X (место проживания автора), публиковалось в государстве Y на сервере, который находится в государстве B, а смотрят и читают в государстве C. Юрисдикция какого государства в данном случае применима? Российская правовая система исходит из возможности правоприменения в любой ситуации, если потерпевшими будут российские граждане или интересы Российского государства. Например, если совершено деяние, ведущее к возбуждению национальной, религиозной ненависти, но не установлен конкретный потерпевший, то объектом преступления можно считать интересы общества в целом. Следовательно, для обоснования государственной юрисдикции России достаточно определить, против какой социальной группы граждан опубликовано данное высказывание. Но если противозаконное высказывание сделал российский гражданин, то в этом случае не столь значимы ни его направленность против конкретного юридического либо физического лица, ни территориальное местонахождение сервера [6].

Стилистические особенности сети «Интернет» преподносят еще более уникальные коллизии. В социальных сетях часто используется грубый язык (ненормативная лексика), традиционными СМИ рассматриваемый как язык вражды. Значительная часть интернет-пользователей данный язык воспринимает как норму. Вероятно, судья может разобраться, в какой коммуника-

тивной ситуации делалось высказывание (например, участники привыкли к грубому обращению друг с другом), и дать соответствующую оценку. Но в ходе решения данного вопроса можно усомниться и в компетентности самих российских судов [9].

Резюмируя, необходимо отметить, что киберэкстремизм в настоящее время является актуальной проблемой и решить ее в глобальной сети «Интернет» только запретительными мерами невозможно. Экстремизм — это социально опасное явление, пагубно влияющее на общий климат социума. Через электронные СМИ, социальные сети и блогосферы он распространяется с невероятной скоростью, завоевывая все большее количество пользователей. В воспитании молодого поколения необходимо делать акцент на толерантности и гуманизме по отношению к разным национальностям, конфессиям и традициям.

Глобальная информатизация всех сфер жизнедеятельности общества не повышает, а понижает степень его безопасности. Современный киберэкстремизм способен продуцировать системный кризис в любом государстве с высокоразвитой информационной инфраструктурой. В этих условиях уязвимость критических инфраструктур перестает быть проблемой каждого государства в отдельности. Это общая угроза, решить которую можно только совместными усилиями, выстраивая систему коллективной информационной безопасности с учетом современных угроз в киберпространстве.

Библиографический список

1. Варфоломеева Т.Н., Жусупов А.Р. Социальные сети и их воздействие на молодежную среду // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2 (58). С. 916–919.
2. Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи: сборник статей / под ред. Г.Н. Чусавитиной [и др.]. Магнитогорск, 2013.
3. Лисина О.В. Проблемы противодействия молодежному киберэкстремизму в условиях интернет-социализации: вопрос нравственного здоровья подрастающего поколения // Теория и практика общественного развития. 2017. № 3. С.24–29.
4. Троегубов Ю.Н. Проблемы противодействия экстремизму в сети «Интернет» // Гуманитарный вектор. Сер.: История, политология. 2014. № 3 (39).
5. Путин В.В. О работе МВД: задача перелома ситуации с преступностью не решена. URL: <https://tass.ru/politika/2740652>
6. Денисов Ю.Д. Противодействие экстремизму в сети «Интернет» // Законность. 2009. № 6. С. 3–7.
7. Интернет в странах мира. URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovatel_i_interneta_v_mire/0-404
8. Генпрокуратура отчиталась о противодействии экстремизму в Интернете. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6310744>
9. Центр исследования компьютерной преступности. URL: <http://www.crime-research.ru/articles/cyber12991/>
10. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <http://gkn.gov.ru/news/tsoc/news31736.htm>
11. Центр безопасного Интернета России. URL: <http://www.saferunet.ru/>
12. Прокуратура Оренбургской области // Официальный сайт. URL: <http://www.orenprok.ru/print?item=25723>
13. Зяблов Д.Н. Противодействие проявлениям экстремизма в сети «Интернет» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5. С. 12–18.